

Programme

Pouchkine

*Издание осуществлено
в рамках программы
содействия издательскому
делу «Пушкин»
при поддержке Французского
института*

*Cet ouvrage a bénéficié
du soutien du programme
d'aide à la publication
Pouchkine de l'Institut français*

BACHIR KERROUMI

LE VOILE ROUGE

БАШИР КЕРРУМИ
КРАСНАЯ
ПЕЛЕНА

УДК 82.06
ББК 84 (4Фр)
К36

Bachir Kerroumi. Le voile rouge

*Издание осуществлено в рамках Программ содействия
издательскому делу при поддержке Французского института*

*Cet ouvrage a bénéficié du soutien des Programmes d'aide
à la publication de l'Institut français*

Дизайн переплета – Александр Архутик

Керруми, Башир

К36 Красная пелена: Роман / Пер. с фр. Е. В. Головиной. – М.: Этерна, 2014. – 208 с. – (Проза нашего времени).

ISBN 978-5-480-00346-8

Герой книги — алжирский подросток — любит математику, музыку и футбол. Он рано понял, что его, рожденного в семье бедняков, ничего хорошего в этой жизни не ждет: или тупая работа за гроши на заводе, или вступление в уличную банду. Скопив немного денег, он с благословения деда решается на отчаянно смелый шаг: нелегально бежит из Алжира во Францию.

Но опьянение первыми глотками воздуха свободы быстро проходит. Арабскому парню без документов, не знающему ни слова по-французски, приходится соглашаться на любую работу, жить впроголодь, спать в убогих комнатухах. Но он знает, что это ненадолго. Главное — получить образование. И он поступает в техническое училище.

Казалось бы, самое трудное уже позади. Но тут судьба наносит ему сокрушительный удар. Проснувшись однажды утром, он понимает, что ничего не видит — перед глазами стоит сплошная красная пелена. Месяцы лечения и несколько операций заканчиваются ничем. Он слепнет. Новая родина готова взять его на попечение. Но разве за этим ехал он сюда? Вырвавшись из одной клетки, он не согласен садиться в другую. И намерен доказать себе и миру, что он сильнее слепоты.

**УДК 82.06
ББК 84 (4Фр)**

© Éditions Gallimard, 2009
© Е. В. Головина, перевод, 2014
© Издательство «Этерна»,
оформление, 2014

ISBN 978-5-480-00346-8

Соне, Себастьяну,
Нордине, Элен и Энцо.
Надеюсь, эта книга усилит
ваше любопытство к связи культур,
соединяющей вас с южными берегами

Я слеп, но на свете есть люди,
которым хуже, чем мне.
Ведь я мог родиться черным!
Рэй Чарльз

Упрямая птица,
несчастливая птица,
увидишь ли ты новый рассвет?
Мохаммед Диб. Сумрак-хранитель

ГЛАВА I

Я пришел из мира, где юности не существует. Беззаботность, которая обычно оберегает детей от горькой действительности, покидала нас слишком быстро. Я почувствовал это рано, лет с десяти, по глазам своих товарищей. Невинности, искрившейся в наших взглядах, с каждым месяцем становилось все меньше. Даже наши лица, такие выразительные и часто веселые, с течением времени словно иссыхали. К счастью, мы все мечтали о путешествиях, и это позволяло нам хоть иногда улыбаться.

Уехать... Уехать куда-нибудь далеко, туда, где у нас каждый день будет еда и чистая одежда, где будет вволю воды, чтобы мыться и пить сколько захочешь...

С этой точки зрения наша детская неопытность была преимуществом – она делала нас открытыми будущему. Наша восторженная изобретательность не ведала границ и заставляла придумывать самые невероятные истории.

Встречаясь, мы больше всего любили обсуждать одну и ту же тему – тему переезда в новый мир. В этих постоянных разговорах было что-то маниакальное, но они помогали нам не пасть духом.

Существовал и еще один источник нашего оптимизма, но тайный; он касался вещей, о которых не говорят вслух. Но даже брошенных друг другу беглых заговорщических взглядов хватало, чтобы каждый из нас испытал взволнованный подъем.

Это начиналось ранней весной, когда у нас играли свадьбы и женщины устраивали свои собственные посиделки. Мужчин на них не допускали, но детям вход был открыт. Мальчишек помладше иногда даже переодевали девочками, чтобы они могли принимать участие в танцах. Согласно обычаю даже музыканты были представлены исключительно женщинами. Гости всех возрастов одевались в нарядные обтягивающие платья, украшенные вышивкой с блестками, иногда почти прозрачные. Радостные лица, напускная скромность... Нам они казались настоящими красавицами, словно явившимися из волшебной восточной сказки.

Когда одна из танцовщиц, широко раскинув руки, принималась ритмично подергивать плечами, заставляя подрагивать грудь, ее взгляд выдавал наслаждение. Традиционный танец должен продемонстрировать зрителям все части тела. Решающий момент наступал, когда у танцовщицы одновременно приходили в движение живот, грудь и бедра, – и у нас замирали сердца. Чтобы продлить удовольствие, она под гладкие глубокие звуки барабана – у нас он называется *дербука* – начинала с вызывающей откровенностью вращать бедрами. Меня охватывало пленительное и невероятно сильное чувство. Я ласкал взглядом округлости той из танцовщиц, которую выделял для себя из числа прочих. Я знал, что, когда праздник закончится, каждый из моих допущенных на него приятелей станет с пеной у рта отстаивать превосходство

девушки или женщины, очаровавшей его своей красотой и чувственностью своего танца.

Свадьбы были сладостной передышкой, на краткий – слишком краткий – миг вырывавшей нас из грубой действительности нашего нищенского существования.

В тех кварталах Орана, где я провел первые пятнадцать лет своей жизни, бедность не давала нам, в отличие от детей из более зажиточных районов, возможности нормально вырасти. Мы рано расставались с детством.

Я до сих пор не могу думать об этом без грусти. Как будто у меня отняли целые годы – неповторимые годы, наполненные особыми переживаниями, время, когда человек открывает для себя новый мир смыслов и чувств.

Нам грозила опасность лишиться части своего эмоционального богатства.

Нашим родителям бедность причиняла неисчислимы страдания. Мы были им дороги – во всех смыслах слова. Они любили нас, но из-за житейских трудностей помимо собственной воли давали нам понять, что растить нас – тяжелое, порой неподъемное бремя.

Кое-кто из моих знакомых взрослых прямо на лице носил отпечаток трагической судьбы. Они даже внешне напоминали те бронзовые статуи, что стояли в центре города. В их чертах читались все муки прошлого.

Собираясь вместе (по случаю праздников, семейных торжеств или религиозных обрядов), взрослые обсуждали одно и то же. Мужчины говорили об Алжирской войне и превозносили собственную доблесть, женщины делились магическими

рецептами того, как удержать возле себя мужа. Однажды я слышал, как мой дед сказал своему знакомому, с которым они пили чай:

– Настоящие бойцы сопротивления никогда не вспоминают о войне – это слишком больно. Те, кто бахвалится своими подвигами, в ней не участвовали и корят себя за трусость. Пусть себе болтают. Наверное, для них это единственный способ не сломаться под грузом сожалений.

С того дня, глядя на этих хвастунов, я не мог не испытывать печали. Война, думал я, не только разорила землю, она прошла своим катком по живым людям. Долгая оккупация, бесчисленные унижения и пытки – физические и моральные – изъязвили их души и иссушили их сердца.

Меня охватывал страх: успею ли я сбежать из этого ада, пока не превратился в похожий на них живой труп?

Наступающая весна освобождала нас, мальчишек, из того тройного плена, в котором нас держал весь фантазмагорический уклад нашей жизни.

Во-первых, всю осень и зиму мы были вынуждены проводить взаперти. Когда серое ненастье сменялось яркими летними днями, на нас это производило впечатление шока, от которого кружилась голова.

Во-вторых, правившая нами диктатура, уверенная, что служит нам защитой и опорой, навязывала нам свое убогое милитаристское мышление.

Наконец – и эта несвобода была самой пагубной из всех трех, – нас не пускала на волю собственная ментальность.

В семьях, принадлежащих к среднему классу, как и в семьях рабочих, властвовал целый свод табу,

ограничивавший нас во всем – в словах, в играх, даже в одежде. Особенно заметно это становилось зимой. Смена времени года словно вдыхала новую жизнь в старые запреты.

Лицемерие всячески приветствовалось. Одно из самых причудливых табу касалось семейных отношений. С виду главой семьи был муж, но на самом деле за все ниточки дергала жена. Именно она – ради общего блага – решала, что хорошо и что плохо для ее отца, мужа, брата...

В доме мужчина представлял непререкаемым авторитетом, но он ни в чем не разбирался и не имел права голоса; деньгами распоряжалась женщина, она же занималась детьми и мужем и лечила заболевших...

Достаточно сказать, что муж, которого бросила жена, возвращался жить к матери!

С приходом весны и лета наши тела и мысли как по волшебству освобождались. Когда в хорошую погоду мы смотрели на море, нам казалось, что в нашей душе возникает огромное пространство свободы; оно позволяло хотя бы на краткий миг сбросить путы примитивной материнской любви, глупость национализма и презрительный взгляд Запада.

*Каждое произнесенное слово
Больно ранит невинную душу.*

Однажды вечером кто-то из моих друзей сказал: «Зато у нас есть море. Можно смотреть на него и мечтать о свободе».

Это случилось во время одного из таких разговоров, в предвечерний час, когда мужчины – и юноши, и старики – выползают из душевных домов

и рассаживаются небольшими группками. Большинство групп формируется по интересам и в силу искренней привязанности, реже – из соображений долга. Члены каждой группы с уважением относятся к остальным, но стараются с ними не смешиваться.

Бывают группы рабочих, группы чиновников, группы богомольцев, группы безработных. Даже местные хулиганы образовывали свою группу, хотя, не смея заявить о себе во всеуслышание, старались вести себя как порядочные работяги. Но никто на их счет не обманывался. Все, включая их самих, понимали, что их здесь терпят при одном условии: если свои безобразия, даже самые невинные, они будут творить где угодно, только не в своем квартале. Иначе их попросту изгонят. Поэтому они предпочитали бесчинствовать в других районах и даже в других городах.

Своим спасением я обязан мечтам. Мечтам, которые сбываются. Сила воображения позволяла мне путешествовать по всему миру. Я сел на пароход и плыл через Средиземное море в такие дали, что все без исключения страны мира становились мне родными и близкими.

Особенно хорошо я помню один из летних дней – он остался в моей памяти во всех своих подробностях.

После полудня я отправился на городской пляж. Солнце стояло в зените, и его жаркие, ласковые лучи поджаривали мне кожу. Температура была градусов тридцать пять, если не все сорок.

Как все местные жители, я обожал солнце и море и с первых апрельских дней пропадал на пляже, благо располагался он неподалеку от нашего дома.

Мною владело странное и восхитительное чувство.

Песок, раскаленный, как горячие угли, обжигал ноги, и те, кто не позаботился об укрытии – зонтике или палатке, – старались держаться поближе к воде.

В тот день пляж за несколько часов заполнили отпускники, по большей части – бледнокожие. Именно по этому признаку можно безошибочно определить жителя внутренних районов страны. Обитатели Орана уже к июлю становятся черными. А учитывая их врожденный пофигизм, выделить их из толпы не представляло никаких трудностей.

Пространство вокруг меня было усеяно телами людей, которые явственно наслаждались, нежась на солнце.

Опасное удовольствие: ради того чтобы ощутить себя живым изнутри, они рисковали сгореть снаружи.

Было пять часов пополудни. Солнце в это время уже не так печет, и зной чуть спадает. Денек выдался чудесный. Море было спокойным, и люди на пляже, казалось, купаются в атмосфере чувственного блаженства. Я сам переживал тот редкий миг, когда тяготы нищего существования отступали куда-то далеко.

Растянувшись на песке, я исподтишка любовался красотой женских тел.

В нескольких метрах от меня расположилась скромная на вид пара.

Женщина сидела по-турецки. Ее спутник лежал, устроившись головой у нее на бедре.

Эта картина поразила меня своим контрастом. Они выглядели бедняками – с бледной кожей, в ста-

ренских купальных костюмах. Но от них исходило ощущение безмятежности, полного взаимопонимания и абсолютного счастья.

Мне стало грустно. Глядя на них, я не мог не думать об ужасных отношениях, сложившихся между моими собственными родителями.

Несмотря на юный возраст, я прекрасно понимал, как тяжело живется моей матери. Отец взял дурную привычку менять жен как перчатки. После развода с моей мамой он женился еще дважды и бросал каждую очередную жену, как только у нее рождался ребенок. В нашей семье, предки которой вели происхождение из Великой Сахары, на многоженство смотрели косо, но отец, видимо, считал себя самым ловким.

Пока я предавался этим печальным мыслям, нарушившим прелесть прекрасного летнего дня, со стороны моря донесся далекий захлебывающийся крик. Я посмотрел в ту сторону и понял, что там кто-то тонет. Наверняка приезжий. Местные знали, что близ побережья проходят опасные течения, которые мы называли «вихрями».

Я немедленно вскочил и бросился на помощь тонущему. Я плыл быстро, широкими гребками, пока вдруг с ужасом не понял, что тонет один из моих лучших друзей, парень из нашего квартала, и едва не задохнулся.

Я плыл быстро, как только мог. Я должен успеть.

Мой друг беспомощно барахтался в волнах, изредка выныривая, чтобы издать крик о помощи, и тут же вновь уходил под воду.

«Как мне дотащить его до берега?» – думал я.

Я вспомнил рассказы о спасении утопающих, которыми делились с нами старшие мальчишки. Это придало мне храбрости. В каждой из

таких историй фигурировал незнакомец, готовый рискнуть своей жизнью ради другого человека.

Я был уже совсем близко. На память мне пришли советы, которые давал тренер по плаванию. Я начал повторять про себя: надо его успокоить, уговорить, чтобы он не дергался, тогда я смогу вместе с ним доплыть до берега.

Едва он увидел, что я рядом, как вцепился мне в плечи и увлек за собой под воду. Я с силой оттолкнул его обеими руками, вынырнул, глотнул воздуха, дождался, когда он тоже появится над водой, схватил его за руку и закричал:

– Успокойся! Успокойся! Ложись на воду! Не дергайся! Не бойся! Не бойся!

Он послушал меня и перевернулся на спину. Лицо у него оставалось над водой, но дышал он прерывисто и с трудом.

Я сказал ему:

– Молодец! Сейчас мы поплывем. Одной рукой я буду грести, а второй – толкать тебя. Выпрями ноги! Просто работай ногами! Слушайся меня, и мы выберемся! До берега недалеко.

Мы проплыли несколько метров, и я почувствовал, что выдохся. Тело друга было слишком тяжелым, у меня не хватало сил. Но я твердил себе: не смей слабеть, не смей! Чтобы не отчаяться, я сам себе внушал, что нам на помощь уже спешат спасатели.

В памяти всплыл еще один совет нашего тренера: «В любых обстоятельствах умеете сохранять спокойствие. Не напрягайтесь, расслабляйте мышцы. Тогда тело станет легким...»

Инстинкт подсказал мне нужные слова. Я повторял другу, что берег уже близко. *Мы выберемся!*

Я улыбнулся ему, и он ответил мне испуганной улыбкой.

Между тем я заметил, что он понемногу успокаивается. Выражение страха покинуло его лицо, и дыхание почти пришло в норму.

Вот и прибрежный песок.

Это происшествие еще долго преследовало меня, возвращаясь в страшных снах. В реальной жизни мне удалось спасти друга, но во сне чьи-то невидимые руки хватали нас и тащили ко дну. Чем кончались эти сны, я не помнил – кто-нибудь из родственников обязательно будил меня посреди кошмара. На грани пробуждения я слышал собственные крики и стоны. Они пугали меня и каждый раз оставляли ощущение полной опустошенности.

Мать, которая придерживалась традиционных взглядов и верила в сверхъестественные силы, *мектуб* и прочие устаревшие штуки, решила сводить меня к *марabu* – то есть к колдуну. Она не сомневалась, что я стал жертвой сглаза. Меня эта идея удивила и расстроила: мне казалось диким, что моя мать, выросшая в Оране и ходившая в начальную школу, верит в подобные глупости.

От изумления я потерял дар речи. Мать поняла мое смущение и постаралась меня успокоить.

Слово «мектуб» означает «судьба», но оно подразумевает двойной смысл. В народной культуре под мектубом понимают роковую случайность, которая может привести человека в рай или в ад. Некоторые люди боятся даже произносить его вслух. Преодолев замешательство, я сказал:

– Мам, а дедушка говорит, что всякие заклинатели и колдуны – просто обманщики. Мошенники и шарлатаны.

Чуть помолчав, я добавил:

– Дедушка прав. Ты не волнуйся. Надо только подождать. Все само пройдет.

Мать прислушалась к моим словам и не стала настаивать на своем.

ГЛАВА 2

Оран – это город, символизирующий смешение культур. Это странный город – ни восточный, ни западный. Город, к которому по-прежнему липнет его испанское прошлое. Его жители ощущают себя кем-то вроде кочевников – они знают, откуда пришли, но понятия не имеют, где окажутся завтра. Этот город дает вам ни с чем не сравнимое чувство свободы: ты полностью принадлежишь ему, но живешь с мечтой его покинуть.

Оран напоминает темпераментную жительницу Средиземноморья, которая меняется в зависимости от времени года. Летом жгучее солнце подогревает ее чувственность, толкая ее едва ли не к разврату. Осенью неукротимый сирокко, сметающий все на своем пути, будит в ней жестокость. Зимой обнажаются все ее горести, и она рыдает в унисон с проливными дождями. Наконец, весной, когда пробуждается надежда, она прихорашивается и блещет под синью небес своими цветущими садами, оливковыми рощами, виноградниками и пляжами.

В Орানে лучшее и худшее идут рука об руку, но одно остается неизменным: гордость и смелость ее жителей. Рабочий, безработный и богач одинаково гордятся своим положением. Жители и жи-

тельницы Орана никогда не вешают голову. Большинство из них способны под влиянием минутного порыва рискнуть своей жизнью, порой ради пустяка.

Я жил в районе, застроенном дешевыми муниципальными домами, где соседствовали безработные, бедняки и карьеристы, то есть те, кому удалось выбиться в мелкие начальники: полицейские, чиновники, торговцы... Как и во всяком средиземноморском городе, люди большую часть времени проводили на улице, и, хотя тут случались драки, кражи и измены, в нашем квартале – как и в других кварталах Орана – превыше всего ценились взаимное уважение, гордость и отвага. Здесь я узнал, что человек может быть бедным, но достойным, уважаемым, смелым и гордым. Такие люди чем-то напоминали мне чернокожих американских рабов: несмотря ни на что, они сохранили свое человеческое достоинство, что, например, нашло выражение в таком виде искусства, как госпел.

Первое значительное в моей жизни событие произошло, когда мне было пять лет. Мы с моим младшим братом Ларби, которому исполнилось три года, играли. Ларби был красивый мальчик – с густой гривой черных волос, орехового цвета глазами и светлой кожей. Его личико постоянно светило какой-то внутренней радостью.

Мне пришлось отлучиться – мать отправила меня в магазин, – а когда я вернулся, мне сказали, что мой младший братишка умер. Скоропостижно, без всяких видимых причин. Я решил, что в его смерти виноваты взрослые, в первую очередь родители. В то время я был убежден, что взрослые на то и нужны, чтобы не позволять детям умирать. Не знаю, прав я или нет, но я всегда считал, что,

прояви мои мать с отцом чуть больше внимания и заботы, братишка остался бы жив.

Несколько лет спустя произошло еще одно событие, наложившее отпечаток на все мое дальнейшее существование.

Мой отец – настоящий бабник и мот – захотел поменять жену. Ради другой женщины он бросил семью. Мать забрала детей и перебралась к своим родителям. Она начала искать работу и вскоре устроилась на прядильную фабрику. Работала она в три смены: одну неделю – с шести утра до двух часов дня; вторую – с двух дня до десяти вечера; третью – с десяти вечера до шести утра. Фабрика располагалась за городом, и мать каждый день тратила три часа на дорогу туда и обратно. Я был в семье старшим сыном, и случившееся заставило меня быстро повзреть. В двенадцать-тринадцать лет мое детство кончилось.

Я стал неуправляемым, нахальным и злым. Терпеть не мог никакой дисциплины. Инстинктивно пытался навязать окружающим свои собственные правила поведения. Испытывая глубочайшее уважение к каждому человеческому существу, я не выносил ни малейших проявлений несправедливости и по три-четыре раза на неделе затевал драки – в основном с теми, кто обижал слабых или неподобающе вел себя с женщинами. Ростом я был на полторы головы выше сверстников и стал общаться с парнями на пять-шесть лет старше себя. Ради самоутверждения я упражнялся со складным ножом, мачете и палкой, хотя умел драться и голыми руками. Я всегда предпочитал нападать первым, помня поговорку: «Пусть плачет твоя мать, а не моя».

Днем моя жизнь была связана со школой, вечером – с футболом. Футбол я любил больше всего на

свете. По выходным я ходил на блошиный рынок, где торговал поношенной одеждой, сменившей двух-трех владельцев. Поначалу товаром меня снабжал дед; он же назначал цену. Если мне удавалось продать ту или иную вещь дороже, разницу я клал себе в карман.

Постепенно я обрел самостоятельность и начал работать на себя.

Свое первое дело я провернул так. Взял у деда займы 150 франков и накопил на них всякой посуды. Еще приобрел таз, в который всю эту посуду и сложил. Затем, прихватив с собой приятеля, пошел обходить окрестные дома. Я предлагал хозяевам обменять старую одежду на набор стаканов, тарелку или еще что-нибудь в этом роде. Например, мне показывали куртку. Я внимательно осматривал ее, прикидывал, сколько смогу за нее выручить, и называл цену, ровно вдвое меньшую. Иногда приходилось отчаянно торговаться, но я не уступал. К концу дня я относил всю грудку старья торговцам, державшим на блошином рынке свои лавки, и продавал им все оптом. Это были прожженные мошенники, но дед научил меня, что, если хочешь получить свою цену, надо запрашивать вдвое. Я так и поступал – в ответ они предлагали мне четверть. Торговля велась в насмешливом тоне, как принято среди жителей Средиземноморья. Иногда покупатель упирался, и вместо ста процентов я наваривал всего сорок или шестьдесят. В отдельные дни мне удавалось заработать сотню франков, в другие – не больше тридцати. Это зависело от целого ряда факторов: потребностей домохозяек в посуде, состояния вещей, соотношения спроса и предложения на блошином рынке. Полученные деньги я делил на две части.

Одну отдавал матери на хозяйство, вторую тратил на себя, то есть на футбол и кино.

Я жил в хаотическом мире, сотканном из противоречий.

Молодежь делилась на три категории: фаталистов, зубрил и шустриков.

Фаталисты обладали примитивным складом ума и ленивым характером, они жили с родителями, целыми днями мечтали, глядя на солнце и надеясь, что однажды провидение изменит их жизнь к лучшему. Мы называли их «друзьями солнца» или членами клуба позеров, потому что они тратили свою жизнь на то, чтобы принимать различные позы – непонятно только, перед кем.

Зубрилы – молодые и, в общем-то, неглупые ребята – поняли, что успех в жизни напрямую зависит от успехов в учебе. Их было немного, и фаталисты жутко им завидовали.

Наконец, были шустрики. Эти отличались особым хитроумием. Они быстро сообразили, что учебу забрасывать не следует, но одновременно старались где-нибудь подработать – хотя бы для того, чтобы обеспечить себе независимость. К шустрикам принадлежал примерно каждый третий парень в нашем районе; обычно они выбивались в местных заводил и служили связующим звеном между зубрилами и фаталистами.

Девушки, в свою очередь, тоже делились на три категории: дуры, жадины и принцессы.

Дуры были безмозглыми курицами, помешанными на французской попсе в ее наихудшей разновидности, тратившими все свое время на макияж и тряпки, следуя указаниям из модных журналов, а представления о сексе получавшими из порнографических изданий.

Ко второй группе относились особы расчетливые и хитрые. Эти думали только о том, как бы удачно выйти замуж, и упражнялись в искусстве манипуляции окружающими.

Девушек третьей категории я называл принцессами. В них было много природной грации, а кроме того – некоторая небрежность ко всему искусственному, надуманному, вроде моды и материальных вещей. Они интересовались образованием и культурой, им удавалось как-то вырваться из собственной среды и даже оказывать на нее воспитательное воздействие. Если они выходили замуж, то уж по любви, а не по расчету. Ум и чувство собственного достоинства делали их настоящими красавицами.

ГЛАВА 3

Как-то вечером мы с приятелями сидели на улице возле нашего дома и вели разговор о будущем. Нас было четверо – Юсеф, Кадер, Джамель и я.

Юсеф заявил:

– Моя цель в жизни – стать профессиональным музыкантом.

Кадер самым серьезным тоном сказал:

– А я хочу найти работу, все равно какую, и поскорее жениться, потому что моя цель – завести семью.

Мы с Джамелем обменялись взглядами. Джамель из всех нас был самым хитрым.

– А я, – сказал он, – хочу годика на четыре, на пять, уехать в Саудовскую Аравию, потому что там хорошо платят. Подкоплю деньжат, потом вернусь и открою здесь свое дело.

Мне говорить не хотелось, и я молчал. Тогда Кадер повернулся ко мне:

– А ты?

Я и сам толком не знал, чего хочу. Знал только одно: что я не желаю протухнуть в этом гетто. В один прекрасный день я отсюда уеду – все равно куда.

– А я хочу, – произнес я, – переплыть Средиземное море.

Что это было – фигура речи или предчувствие, – об этом в тот момент я и сам не догадывался. Наверное, что-то такое сидело у меня в подсознании. В любом случае, я помнил пример деда и бабки со стороны матери.

Когда я был маленьким, зимними вечерами мы с дедом, бабушкой, мамой и сестрой любили сидеть вокруг *маджмара*. Маджмар – это такой большой глиняный горшок, в который кладут угли, подливают немного жидкого топлива и поджигают. Он не только обогревает дом – ну, вернее, не весь дом, а ту комнату, в которой стоит маджмар, но и служит очагом: если сверху подвесить котелок, в нем можно варить еду.

Во время этих посиделок дедушка с бабушкой рассказывали мне про свою жизнь. Они родились в Сахаре, в самом сердце алжирской пустыни, на границе с Мавританией. Им было лет по двадцать пять – двадцать шесть, когда они решили перебраться в Оран, за тысячу километров от дома. Первым уехал дед. Его переход через пустыню был долгим и мучительным.

Сначала он ехал верхом на муле, но через несколько дней мул заболел. Дед оставил его и продолжил путь пешком. В заплечной сумке у него хранился чай, чайник, пшеничная крупка и вода.

Вот что он рассказывал:

– Один раз я, как всегда под вечер, остановился, чтобы испечь лепешку. Взял крупки, добавил воды и замесил тесто. Набрал сухих стеблей, высек двумя камнями искру и запалил костерок. Положил лепешку печься и наполнил водой чайник. Когда хлеб испекся, поставил на огонь чайник.

Потом я поел, выпил чаю и лег поспать. Я почти заснул и вдруг чувствую, руку пронзила дикая боль.

Я тут же вскочил. Оказалось, меня цапнул скорпион! Схватил я нож, перетянул руку платком и сделал надрез в месте укуса. Потекла кровь, а вместе с ней вышел и скорпионий яд.

Через три недели мне на пути попалась деревня. Я хотел задержаться в ней хотя бы на несколько дней, чтобы подработать. Мне повезло – как раз начался сбор фиников. Меня наняли, конечно, за гроши. Иногда работникам платили монету-другую, но чаще просто давали несколько кило фиников. Мы их меняли на чай или муку.

Проработал я так несколько недель и понял, что запасов накопил достаточно, чтобы продолжать путь. Потом я поступал точно так же. Удача не всегда мне улыбалась, но все же через четыре месяца я добрался до Орана. Это был другой мир.

Слушая дедушкины истории, я представлял его себе героем кинофильма. Порой его рассказы наполняли меня чувством гордости за него, порой – чувством страха, но я неизменно слушал их с открытым ртом.

Мой дед был человеком здоровым во всех отношениях – и телом, и духом. От его лица веяло безмятежностью, хотя в глазах таилась лукавинка. Несмотря на бедность, он никогда не стал бы есть что попало и как попало и всегда следил за собой. Например, сам чинил и гладил себе одежду; знакомые сапожники научили его правильно ухаживать за обувью. Он пользовался простым, но чрезвычайно действенным методом. Возьмите сапожную щетку и, не прибегая ни к каким средствам, тщательно очистите обувь от грязи и пыли. Убедившись, что обувь чиста, нанесите на щетку немного ваксы и хорошенько отполируйте обувь. Затем отложите ее на часок, после чего повторите опера-

цию, снова с небольшим количеством ваксы. Ботинки будут сиять как новенькие.

Чем больше я размышляю, тем увереннее прихожу к выводу, что главные жизненные ценности привил мне дед.

А как же школа, спросите вы. Бросьте! Если не считать уроков физкультуры, о школе у меня сохранились самые отвратительные воспоминания. Что в началке, что в лицее, нас, как стадо баранов, сгоняли по пятьдесят человек в класс. Большинство учителей нас ненавидели и думали только о своей карьере. При виде каждого из них мне неизменно вспоминались загонщики скота из ковбойских фильмов. Если кто-нибудь из учеников не мог ответить на заданный вопрос, они лупили его палкой, а иногда даже хлестали кнутом. Они вели себя с нами как в армии. Да они и в самом деле были бывшими вояками, нанятыми диктаторским режимом и мечтавшими во всем походить на президента республики.

В классе у нас учились и дети богатеев, и дети бедняков. К богатым я относил сынков полицейских, жандармов, высокопоставленных чиновников и торговцев. К бедным – ребят из семей рабочих или безработных. Детишек богатеев не били никогда. В крайнем случае могли отчитать. Все шишки доставались детям бедняков – их постоянно колотили палкой или железной линейкой. Несправедливость, господствовавшая в так называемой социалистической стране, ничем не уступала порядкам, принятым в империалистических странах. В школе, как и во всем алжирском обществе, царила продажность. Людей вынуждали давать и брать взятки, а тот, кто не имел денег, был обречен влачить жалкое существование на грани

нищеты. «В Алжире надо быть или богатым, или занимать высокий пост – иначе подохнешь с голоду», – так мы говорили между собой.

В 1974 году военная диктатура дала полиции приказ задерживать всех молодых парней с длинными волосами и брить их наголо; девушкам, посмевающим выйти на улицу в мини-юбке, мазали ноги краской. В то же самое время высшие государственные чиновники ходили с длинными волосами; выступая по телевизору, они прятали их за ушами или чем-нибудь прикрывали.

В нашем квартале жили те, кто был «за власть», и те, кто был «против власти»; люди делились на «прозападников» и «антизападников».

Приведу только один факт, который прекрасно иллюстрирует ту атмосферу, в которой я рос.

В те годы в Алжире работало много советских специалистов. В Оране для них построили целый квартал шикарных многоэтажных домов – с детскими площадками, с садами – и обнесли его железным забором с колючей проволокой. Нам было запрещено даже появляться в этом районе; они, впрочем, тоже не имели права с нами общаться. Каждый раз, проходя мимо их зарешеченного городка, я не мог избавиться от ощущения, что смотрю на зоопарк, населенный странными животными, прилепившими с другой планеты.

Хоть какую-то передышку мне давали футбол, музыка и девушки.

У себя в команде я все чаще выступал уже не в полузащите, а средним нападающим – это если мы играли с ребятами постарше; когда мы встречались с ровесниками, мне доверяли роль капитана. За что я всегда любил футбол, так это за слаженность в игре, когда два или три человека действуют как

один. И еще – за те чудные мгновения, когда вратарь ловит мяч и не дает забить гол. Как ни странно, меня, забияку, в футболе привлекал не результат, а красота движений.

Свой вклад в спасение моей души от впадения в варварство и грубость внесла также музыка. Она обогатила мои чувства и пробудила мое воображение.

Я любил музыку двух видов. Во-первых, аль-андалусу. Это традиционная алжирская музыка, основанная на арабо-андалусских ритмах. Под нее обычно поют очень красивые и поэтичные песни, повествующие о страданиях людей в этом и потустороннем мире. Я слушал ее, когда мне надо было о чем-то подумать, когда мне было грустно или больно. Но потом я открыл для себя совсем другую музыку – музыку бунта, и сразу понял, что именно ее мне и не хватало.

Как-то мы с приятелями познакомились с одним молодым эмигрантом, и он рассказал нам о том, что ему пришлось пережить во Франции. Это был длинноволосый парень в джинсах и солнечных очках. Типичный пижон. Чтобы подразнить его, я сказал, пусть не врет, что он родом из Марсея, – на самом деле он здешний, из Орана. В ответ он вытащил из рюкзака магнитофон и несколько кассет и тоном ярмарочного зазывалы провозгласил:

– Хард-рок! Американская музыка!

Из магнитофона полились пронзительные звуки – гитара, бас-гитара и ударник. По телу у меня пробежала судорога, и я понял: ничто на свете не способно лучше выразить состояние моей израненной души. Так в мою жизнь вошли Led Zeppelin, Deep Purple и другие рок-группы.

У меня вообще обостренное слуховое восприятие. Музыка воздействует на меня с невероятной

силой. Благодаря музыке я научился понимать, что должны чувствовать девушки.

Больше всего мне нравились принцессы – умные девчонки, не придававшие значения моде. Они смотрели на тебя серьезно и вместе с тем чуть лукаво и двигались свободной и легкой походкой. Я пялился на них, мечтая про себя, что когда-нибудь и у меня будет такая вот подруга. Испытывая к ним огромное уважение, я никогда не пытался «клеиться» ни к одной из них. У нас в Средиземноморье, особенно в Ороне, «клеиться» в первую очередь означает «грубо приставать». Но изредка я посылал им восхищенные взгляды. Некоторые из них понимали, что я хочу сказать, других они оставляли равнодушными.

Другие девчонки меня не интересовали. Дуры вызывали жалость, а от жадин хотелось бежать сломя голову.

*Литературно-художественное издание
Серия «Проза нашего времени»*

КЕРРУМИ БАШИР

КРАСНАЯ ПЕЛЕНА

РОМАН

Перевод с французского Е. В. Головиной

Редактор серии *Н. В. Комарова*

Художественное оформление серии: *А. Б. Архутик*

Корректоры *О. В. Круподер, В. А. Нэй*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.08.2014 г.

Формат 80×100/32. Гарнитура «CharterС».

Печ. л. 6,5. Тираж 2000 экз. Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»

115477, Москва, Кантемировская ул., д. 59а

Тел./факс (495) 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru